
© З.Т. ГОЛЕНКОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ***

golenko@isras.ru

При реализации любой социально-экономической политики на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов. Поэтому чрезвычайно актуальным становится исследование динамики взаимодействия различных социальных групп и слоев, становление их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано прежде всего с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда — преимущественно ручного и научно-индустриального, а также отраслевой его специфики. Происходит радикальная трансформация экономического потенциала социальных групп: формируются класс собственников — крупных, средних, мелких и класс наемных работников, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе. В то же время возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, формируются устойчивые связи, консолидирующие социальный потенциал общества.

Одним словом, налицо многомерное, иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальному статусу, имеют свою систему ценностных ориентаций, свои ролевые функции.

Все это связано с такими всеобщими тенденциями, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и регионализация — с другой.

Настоящий период в социально-экономической жизни страны, в т. ч. Москвы характеризуется качественными изменениями численности занятых в различных формах собственности. В 2009 г. в негосударственном секторе экономики Москвы было занято 74% населения, а в государственном — 26%. Уровень занятости в Москве составляет 69,6%, а уровень безработицы — 2,8%. Ситуация в Москве по этим показателям более благополучная, чем в целом по России. В Москве также значительно выше среднедушевые денежные доходы: в 2010 г. в III квартале по России в среднем они составляли около 18 500 руб., а в Мо-

* Исследования проведены при поддержке гранта РФФИ № 11-06-92-203-МОНГа.

ске 41 106 рублей. Но нельзя забывать, что Москва — один из самых дорогих городов в мире.

Анализируя занятость населения по секторам экономики, выделим также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц — домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Необходимо отметить специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Именно он существенно влияет на гибкость российского рынка труда. Миллионы работников заняты в этом секторе без контрактов, без гарантий заработной платы, без социальной защиты. Данный сектор очень быстро реагирует на рыночный спрос на товары и услуги. Поэтому российский рынок труда является значительно более гибким, чем можно было бы предположить на основе анализа официальных институтов, в том числе норм трудового права, реально соблюдаемых в полном объеме только на части предприятий формального сектора. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 90-е годы, дав части россиян возможность заработать и смягчив тем самым социальное напряжение в обществе [1; 183]. В 2010 г. в неформальном секторе было занято более 5,2% всего занятого населения Москвы.

Структура занятого населения по отраслям экономики характеризуется следующими тенденциями. Преобладает доля занятых в сфере услуг. Так, в 2009 году в отраслях, производящих товары (промышленность, транспорт и связь, строительство), на основной работе было занято 30,5% общей численности населения; в отраслях, производящих услуги, соответственно 44,2%.

В современной России сокращение промышленной занятости становится результатом не только вытеснения из производства действительно избыточной рабочей силы, повышения производительности и интенсивности труда, закрытия отсталых и ненужных производств. Наряду с этими процессами нынешнее высвобождение работников происходит вследствие упадка и неприспособленности к рынку технически вполне развитых предприятий. Прогрессивный в целом перелив занятых в третичный сектор сочетается в ходе финансово-экономического и социально-политического кризиса с переливами не в отсталые, а зачастую в наиболее развитые узлы индустриальной, а подчас и научно-индустриальной занятости. Стало явным торможение научно-технического прогресса, преимущественное внимание по-прежнему уделяется сырьевым отраслям, обеспечивающим валютные поступления от экспорта.

В связи с этим институт социального партнерства, механизм коллективно-трудовых отношений приобретает особое значение на всех уровнях: макро-, мезо- и микроуровнях. Социальная стабильность в обществе — функция социальной профсоюзов — защита интересов не только членов профсоюзов, но и различных социальных групп.

Все сказанное свидетельствует о необходимости формирования механизма социального приспособления к интенсивно меняющимся условиям бытия. Адаптационная необходимость затрагивает фактически все слои населения, всех

возрастов, социально-профессиональных групп различных регионов, которые вынуждены искать и находить пути и способы адаптации. Очевидно, что в этих условиях меняется состояние занятости, формируются самые разнообразные источники доходов, возникают ее институционализированные формы, как-то: самозанятость, неформальная занятость и т.д. Наши исследования, проведенные в г. Новосибирске и в Тюменской области, также свидетельствуют об этих различиях, которые проявляются в структуре рынка труда и занятости населения. Москва — индустриальный, урбанизированный регион, с высоким профессиональным уровнем занятых в экономике. Трансформационные процессы в стране привели не просто к радикальным изменениям в формах собственности и в системе хозяйствования, они обусловили институциональные «подвижки» в сфере труда, в появлении новых видов занятости, изменили мотивационные характеристики трудовой занятости, одним словом, сформировали особые модели социально-трудового поведения. Для этой цели мы выделили несколько типов (реальных или проективных), характеризующих экономическое поведение человека (данные исследования в г. Новосибирск).

1. Пассивная / активная позиция в решении насущных жизненных потребностей. Здесь мы должны отметить, что опрошенных характеризует достаточно пассивно-выжидательная позиция. С одной стороны они уверены, что «успех в работе основан на личной инициативе человека и его старании» (почти 40%), в то же время с другой стороны полагают, что могут реализовать свои жизненные планы менее 10%, а более 50% не уверены в завтрашнем дне.

2. Ориентация на поиск инновационных решений, отражающих развитие динамичного начала в деятельности. Этот ресурс жизнедеятельности, по нашим данным, развит также незначительно. Наемный труд фактически становится средством выживания, а не активным поиском новых решений в социально-трудовой сфере. Ожидания, связанные с возможностью «попробовать свои силы в новом деле» свойственны не более 5%; только четвертая часть опрошенных уверена, что с имеющейся профессией легко найти работу.

3. Существует такой вид стратегии, который связан с утверждением социально-статусной позиции человека. Именно в этом контексте общество может консолидироваться, формировать структуры, адекватные его потенциалу, его социальной базе. По нашим данным, в обществе выявлены процессы маргинализации, главное и самое опасное здесь — активация функции маргинализации страт, формирующих ядро среднего класса — квалифицированных рабочих и специалистов. Так, около 10% рабочих и 15% специалистов не соотносят себя ни с каким социальным слоем, а 6,3% первых и 8,3% вторых вообще считают, что нет той социальной группы, к которой они могли бы принадлежать. Среди неспециалистов таких в несколько раз больше (более четверти).

Таким образом, положение респондентов в переплетении сложных социальных, в том числе производственных, связей формирует самые различные виды отношений с социальной средой, с системой существующих ценностей, с новыми правилами трудовых взаимодействий. Приспособиться к ним — значит успешно или неуспешно применить свой личностный ресурс, идентифицироваться в этой среде.

В связи со сказанным мы попытались определить степень стабильности / нестабильности рабочего места респондента, а также проанализировать основные векторы его потенциальной социальной мобильности.

Наиболее адаптированными к месту своей сегодняшней работы являются специалисты — отсюда их основная, достаточно устойчивая, поведенческая установка не менять своего рабочего места более (65%); среди квалифицированных рабочих таких также достаточно много (57%); среди неквалифицированных рабочих всего 15,7%. Да и основные направления потенциальной социальной мобильности для специалистов и квалифицированных рабочих — «открыть собственное дело», «перейти на частное предприятие». Для вторых — «перейти на другое государственное предприятие», «открыть самостоятельное дело». Для других в основном одна альтернатива: «перейти на другое государственное предприятие».

Таким образом, для работников, занятых высококвалифицированным профессиональным трудом, превалирует ресурс, связанный с содержанием труда, он и определяет их возможные (и в данном случае желаемые) действия: сохранить свою работу, а в случае смены работы идти туда, где их труд оценивается наиболее адекватно, именно поэтому для этой категории работников наиболее весомой причиной смены работы является «получить более высокую зарплату». Мы хотим подчеркнуть еще раз, что для них характерно стремление применять и сейчас, и в перспективе уже имеющийся профессиональный опыт и квалификацию, работать в коллективе с устоявшимися связями, сохранять стабильность уже достигнутого, даже переход на более квалифицированную работу мало желателен. В то же самое время профессионалы реально оценивают ситуацию, сложившуюся на рынке труда: структурная безработица, кризисное состояние отдельных отраслей экономики, высвобождающих рабочую силу, межотраслевая и межпрофессиональная текучесть — все эти и многие другие социально-экономические факторы формируют общую нестабильность в обществе.

Настоящий период в социально-экономической жизни России характеризуется качественными изменениями форм собственности: на смену прежде монолитной государственной собственности пришло разнообразие форм. Доминирующей формой собственности стала частная (56,3%), она увеличилась по сравнению с 2002 г. в 1,2 раза. Затем, по убывающей — государственная и муниципальная (32,1%), смешанная российская (6,7%), смешанная российско-иностранная (4,3%), собственность общественных и религиозных организаций (0,6%) [2].

Анализируя занятость населения по секторам, необходимо отметить также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц — домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Необходимо отметить специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Именно он существенно влияет на гибкость российского рынка труда. Миллионы работников заняты в этом секторе без контрактов, без гарантий заработной платы, без социальной защиты. Данный сектор очень быстро реагирует на рыночный спрос на товары и услуги. Поэтому российский рынок труда является значительно более гибким, чем можно было бы предположить на основе анализа официальных институтов, в том числе норм трудового права, реально соблюдаемых в полном объеме только на части предприятий формального сектора. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 90-е годы, дав части

россиян возможность заработать и смягчив тем самым социальное напряжение в обществе [1; 183]. В конце 2010 года в неформальном секторе в Москве было занято более 5%, 291000 человек. Этот сектор по стране в целом охватывает 18,4% общей численности занятого населения, а среди сельских жителей в зависимости от времени года составляет от 25,0% до 35,0% [3; 291].

Изменения в экономике страны в определенной степени трансформировали социально-профессиональную структуру занятого населения. Эти изменения привели к новым подвижкам в социальной структуре, к формированию новых групп и слоев в составе занятого населения. Социальная статистика предлагает довольно пространственный перечень групп занятий (профессий), отражающих распределение занятого населения по функциональным особенностям труда (руководители-исполнители), по характеру и содержанию труда (умственный, физический, требующий высшей, средней квалификации, неквалифицированный).

За последние 6 лет произошло резкое увеличение властного и административно-управленческого аппарата — в 1,85 раза; это самый значительный рост этой социальной группы. Определенные количественные изменения претерпели специалисты высшей и средней квалификации. Что касается квалифицированных рабочих, то растет категория занятых в сельском хозяйстве, в то время как в промышленном производстве — падает [4; 100-101].

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Еще продолжаются некоторые изменения в отношениях собственности, распределения, общественной организации труда, в тенденциях и направлениях социальной мобильности. Трансформационные процессы привели к возникновению новых социальных общностей, их взаимосвязей, иерархии.

Одним словом, формируется новый ландшафт социальной структуры. Речь идет о таком принципиальном направлении, как образование ее срединного среза — формирование среднего класса, средних слоев. Надо отметить, что этот процесс пронизывает все общество, включая в состав группы занятых как в частных, так и в коллективных и государственных формах собственности собственников и значительную часть наемных работников.

Именно с этим и связан повышенный интерес к данной проблеме представителей научного сообщества, политических и государственных структур. Этот интерес материализован в многочисленных публикациях, больших и малых, интересных и не очень. Но в результате нельзя определенно сказать, изучена она или нет, ибо характеристика средних слоев представляется достаточно неопределенной как с точки зрения его количественных параметров, так и внутренней структуры, динамики, качественных признаков и т.д. Средний класс в постсоветской России — это одновременно и реальность, агент социального действия, и фантом, ибо политическая составляющая в решении любого принципиального социального явления не может не присутствовать при разработке новой парадигмы эволюционного общественного развития. Отметим основные объективные трудности изучения этого социального феномена.

Первая группа проблем связана с тем, что, хотя к началу проведения реформ существовала потенциальная база среднего класса, ядром которой являлись массовые отряды интеллигенции, квалифицированные слои рабочих и некоторые другие группы, в значительной своей части они оказались на обочине трансформационных социальных преобразований. Поэтому так называемые «новые

средние» — представители интеллектуальных профессий, фактически претерпели резкие изменения своего социального статуса, престижа, дохода и роли в обществе, и претендовать на устойчивое среднее место в социальной иерархии в массе своей в настоящее время не могут. Сейчас идет активное формирование частного сектора, а значит, мелких и средних собственников (мелкой буржуазии), которые во всех обществах представляют традиционные «старые» слои среднего класса и которые занимают (и претендуют!) на свое место в социальном пространстве. Вообще применительно к нынешним условиям понятие «старый средний класс» носит в определенной мере условный характер, хотя и отражает принятый подход к анализу. Это связано с тем, что «старый средний класс» во время социалистического бытия фактически отсутствовал, сейчас он формируется как «новый старый».

Отсюда логически проистекает вторая группа проблем, связанная с длительным по времени процессом ренессанса «новых средних», в количественном отношении представительным социальным сегментом, который вместе с ускоренным развитием частного сектора сможет занять свое достойное место в социальной структуре.

Третья группа определена необходимостью реального формирования среднего класса, ибо было бы сверхнаивно полагать, что последний упрочится сам по себе без определенных усилий со стороны сил, которым принадлежит монопольное право выбора стратегии экономического, политического и социального развития. А это возможно лишь при единственном условии — создании гражданского, а не квазигражданского, общества в России и соответствующих институтов — необходимых институтов любого цивилизованного общества.

И, наконец, четвертая группа — это самый сложный процесс становления социально-классовой идентичности, ибо наличие в обществе процессов маргинализации, пронизывающих все его страты, размывает потенциал среднего класса, его социальную устойчивость и самоидентификацию.

Какова же в целом социальная роль среднего класса? В этом отношении наибольшей популярностью пользуется точка зрения, согласно которой последний представляет собой консолидирующее звено в развитии общества, являясь его социальным стабилизатором и конструктивным началом. На наш взгляд, эта позиция, несмотря на свою очевидность, требует более пристального к себе внимания и связана она прежде всего с тем, что процесс консолидирования среднего класса должен учитывать в полной мере российский контекст со всеми модификациями как поселенческого (город-село), так и регионального, национального характера. Специфическая социальная структура в ряде регионов страны, социально-имущественная дифференциация и поляризация интересов различных групп и слоев населения, а отсюда — социальные и политические конфликты — все это выносит на социальный ландшафт страны такие проблемы, которые неизбежно трансформируют и функциональную значимость среднего класса, и его количественно-качественные характеристики*.

* Материалы настоящего раздела основаны на данных общероссийского исследования Института социологии РАН «Городской средний класс в современной России» Фонда им. Ф. Эберга в РФ, полученных в октябре 2006 года [5], исследования РОМИР-мониторинг 2004-2005гг «Социальная стратификация» [6], а также материалов Федеральной службы государственной статистики [7].

В качестве критериев отнесения к среднему классу были определены следующие характеристики: образование (наличие как минимум среднего специального образования), социально-профессиональный статус (нефизический характер труда или предпринимательская деятельность), определенный уровень благосостояния (не ниже медианного значения в данном регионе) и самооценка человеком своего положения в обществе. При сочетании этих показателей оказалось, что среди всего взрослого городского московского населения к среднему классу (СК) было отнесено не менее 30% опрошенных. Еще около четверти экономически активного городского населения (около 23% всего занятого населения России) составила периферия СК, которой для полного соответствия всем вышеназванным критериям принадлежности к среднему классу не хватает присутствия только одного. Остальные группы экономически активного городского населения, попавшего в выборку, отнесены к прочим массовым слоям.

Сотрудничество между профсоюзами и общественными организациями может способствовать расширению диалога в обществе. Важно также, чтобы профсоюзы способствовали консенсусу в обществе не только за счет бедных и слабых, и тогда можно будет говорить о социальном партнерстве и гармоничных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России. Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2007.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России: Сб. ст. Табл. № 3. 4. М., 2008.
3. Обследование населения по проблемам занятости. Федеральная служба государственной статистики. Ноябрь М., 2007.
4. Обследование населения по проблемам занятости. Федеральная служба государственной статистики. М., 2003.
5. Руководители исследования чл.-корр. РАН М.К. Горшков; д.с.н., проф. Н.Е. Тихонова (Россия) (см. Аналитический доклад «Городской средний класс в современной России». М., 2006). Выборка составила 1750 респондентов.
6. Проект 240910, всероссийская выборка 15200 человек
7. Используются данные статистических бюллетеней: «Обследование населения по проблемам занятости». М., 2003, 2006; «Регионы России. Социально-экономические показатели». М., 2006.